

МИХ·ЗОЩЕНКО

Воспоминания

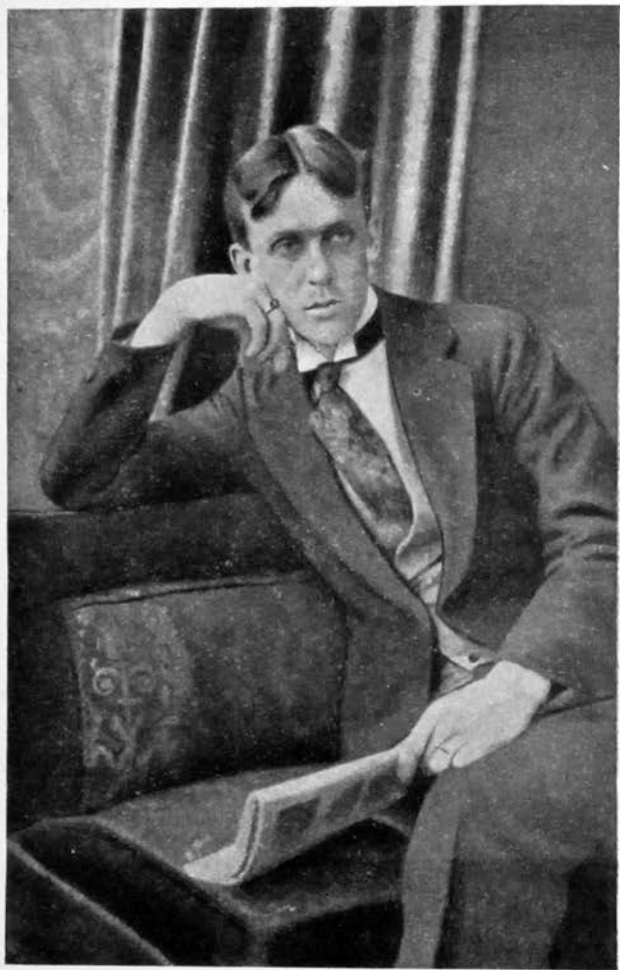
О

М.П.СИНЯГИНЕ

М. П. СИНЯГИН

1916 г.

М И Х. З О Щ Е Н К О

М. П. С И Н Я Г И Н

(ВОСПОМИНАНИЯ О МИШЕЛЕ СИНЯГИНЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 139

Отпечатано для Издательства
Писателей в Ленинграде, в юсуд.
тип. илени Евгении Соколовой,
пр. Красн. Командиров, 29, в ко-
лич. 20.300 экз., 2¹/₂ л. Заказ № 3009
Ленинградский Областлит № 67079
Обложка художн. М. Гирнарской
1931

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга есть воспоминание об одном человеке, об одном, что ли, малоизвестном небольшом поэте, с которым автор сталкивался в течение целого ряда лет.

Судьба этого человека автора чрезвычайно поразила и в силу этого автор решил написать такие, что ли, о нем воспоминания, такую, что ли, биографическую повесть, не в назидание потомству, а просто так.

Не все же писать биографии и мемуары о замечательных и великих людях, об их поучительной жизни и об их гениальных мыслях и достижениях. Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, более средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни.

Причем жизнь таких людей, по мнению автора, тоже в достаточной мере бывает поучительна и любопытна. Все ошибки, промахи, страдания и радости ничуть не уменьшаются в своем размере от того, что человек, ну, скажем, не нарисовал на полотне какой-нибудь прелестный шедевр — «Девушка с кувшином», или не научился быстро ударять по рояльным клавишам, или, скажем, не отыскал для блага и спокойствия человечества

какую-нибудь лишнюю звезду или комету на небосводе.

Напротив, жизнь таких обыкновенных людей еще более понятна, еще более достойна удивления, чем, скажем, какие-нибудь исключительные и необыкновенные поступки и чудачества гениального художника, пианиста или настройщика.

Жизнь таких простых людей еще более интересна и еще более доступна пониманию.

Автор не хочет этим сказать, что вот сейчас вы увидите чего-то такое исключительно интересное, поразительное по силе переживаний и страстям.

Нет, это будет скромно прожитая жизнь, описанная к тому же несколько торопливо, небрежно и со многими погрешностями. Конечно, сколько возможно, автор старался, но для полного блеска описания не было у него такого, что ли, нужного спокойствия духа, уверенности и любви к разным мелким предметам и переживаниям. Тут не будет спокойного дыхания человека уверенного и развязного, дыхания автора, судьба которого оберегается и лелеется золотым веком.

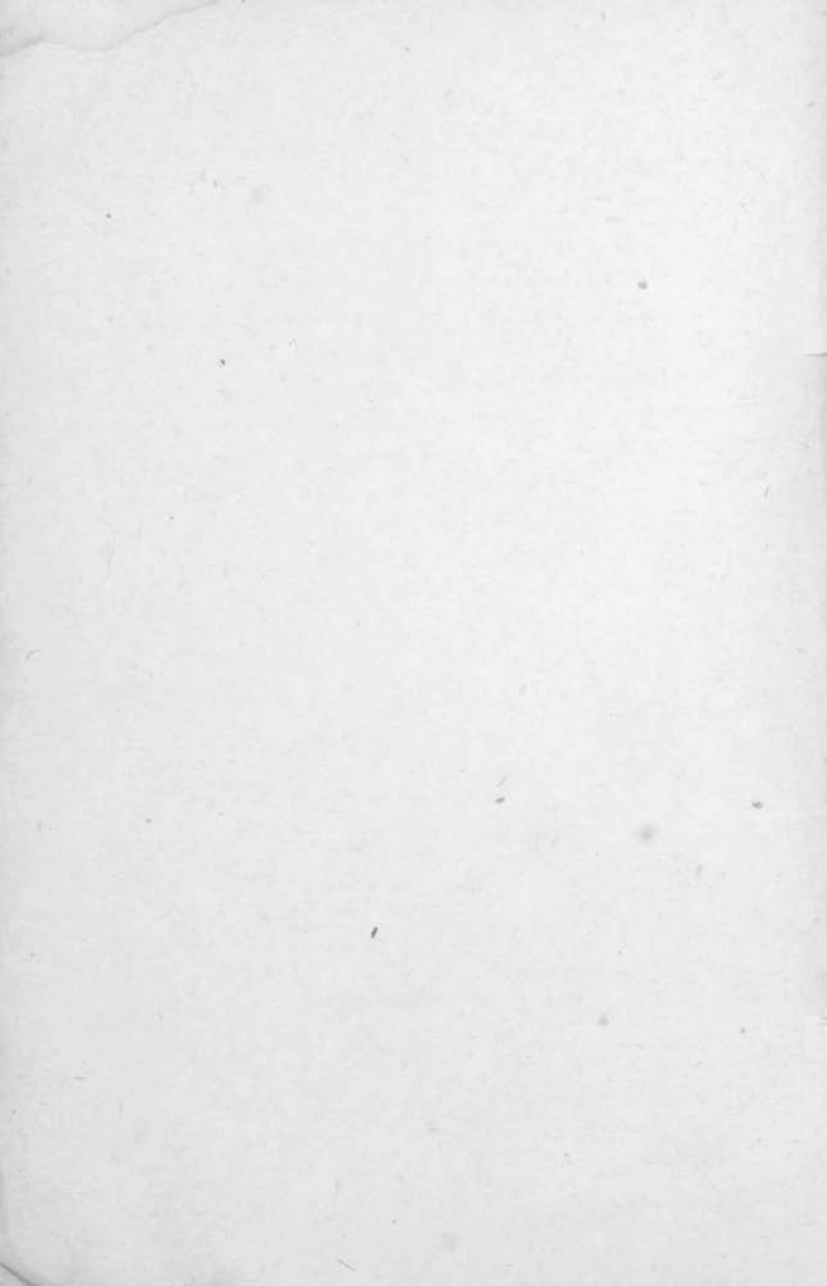
Тут не будет красоты фраз, смелости оборотов и восхищения перед величием природы.

Тут будет просто правдиво изложенная жизнь. К тому же несколько суетливый характер автора, его беспокойство и внимание к другим мелочам заставляют его иной раз пренебречь плавным по-

вествоанием для того, чтобы разрешить тот или иной злободневный вопрос или то или иное сомнение.

Что касается заглавия книги, то автор согласен признать, что заглавие сухое и академическое — мало чего-нибудь дает уму и сердцу. Но автор оставляет это заглавие временно. Автор хотел назвать эту книгу иначе, как-нибудь, например: «У жизни в лапах» или «Жизнь начинается послезавтра». Но и для этого у него не хватило уверенности и нахальства. К тому же, эти заглавия вероятно уже были в литературном обиходе, а для нового заглавия у автора не нашлось особого остроумия и изобретательности.

3 сент. 30 г. Ленинград.

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ. О НАШЕМ ВРЕМЕНИ. О ПРИ-
СПОСОБЛЯЕМОСТИ. О ДУЭЛЯХ. О
ЧУЛКАХ. ПРОЛОГ ИСТО-
РИИ.

— Вот в дальнейшем, лет
этак, скажем, через сто или там немного меньше,
когда все окончательно утрясется, установится,
когда жизнь засияет несказанным блеском, какой-
нибудь гражданин, какой-нибудь этакий гражда-
нин с усиками, в этакое, что ли, замшевом не-
сочном костюмчике или там, скажем, в вечерней
шелковой пижаме, возьмет, предположим, нашу
скромную книжку и приляжет с ней на кушетку.
Он приляжет на сафьяновую кушетку или там,
скажем, на какой-нибудь мягкий пуфик или ко-
зетку, обопрет свою душистую голову на чистые
руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах,
раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, —
как это они там жили в свое время.

А его красивая молодая супруга—или там, скажем,
подруга его жизни — тут же рядом сидит в своем
каком-нибудь исключительном пеньюаре.

— Андреус (или там Теодор), — скажет она, за-
пахивая свой пеньюар, — охота тебе, — скажет, —
читать разную муру? Только, — скажет, — нервы
себе треплешь на ночь глядя.

И сама, может, возьмет с полки какой-нибудь томик в пестром атласном переплете — стихи какого-нибудь там знаменитого поэта и начнет читать:

В моем окне качалась лилия.
Я весь в бреду...
Любовь, любовь. Моя Идиллия,
Я к вам приду...

Вот как представит себе автор на минутку такую акварельную картину, так и перо у него валится из рук — неохота писать да и только.

Конечно, автор не утверждает, что именно такие сценки будут наблюдаться в будущей жизни. Нет, это как раз мало вероятно. Это только минутное предположение. На это только полпроцента можно положить. А скорей всего, напротив того, будет очень такое, что ли, здоровое, сочное поколение. Этакie будут загорелые здоровяки, одевающиеся скромно, но просто, без особой претензии на роскошь и щегольство.

К тому же, может, такие паршивые лирические стишки они и читать-то вовсе не будут или будут их читать в исключительных случаях, предпочитая им наши прозаические книжки, которые будут брать в руки с полным душевным трепетом и с полным почтением к их авторам.

Однако, как подумает автор о таких настоящих читателях, так опять появляются затруднения, и снова перо вываливается из рук.

Ну, что автор может дать таким прекрасным читателям?

Сердечно признавая все величие нашего времени, автор, тем не менее, не в силах дать соответствующее произведение, полностью рисуящее нашу эпоху. Может быть автор растратил свои мозги на мелкие повседневные мещанские дела, на разные личные огорчения и заботы, но только ему не по силам такое обширное произведение, которое сколько-нибудь заинтересует будущих уважаемых читателей.

Нет, уж лучше закрыть глаза на будущее и не думать о новых грядущих поколениях. Лучше уж писать для наших испытанных читателей.

Но тут опять являются сомнения, и перо валится из рук. В настоящее время, когда самая острая, нужная и даже необходимая тема — это колхоз, или там, скажем, отсутствие тары, или устройство силосов, — возможно, что просто нетактично писать так себе, вообще, о переживаниях людей, которые, в сущности говоря, даже и не играют роли в сложном механизме наших дней.

Читатель может просто обругать автора свиньей. — Эва, — скажет, — глядите, чего еще один пишет. Описывает, холера, переживания. Гля-

дите, — скажет, — сейчас чего доброго начнет про цветки поэмы наворачивать.

Нет, про цветки автор писать не станет. Автор напишет повесть, по его мнению даже весьма необходимую повесть, так сказать подводящую итоги прошлой жизни, — повесть про одного незначительного поэта, который жил в наше время. Конечно, автор предвидит жесткую критику в этом смысле со стороны молодых и легкомысленных критиков, поверхностно глядящих на такие литературные факты.

Однако совесть у автора чиста. Автор не забывает и другой фронт и не гнушается писать о прогулах, о силосовании и о ликвидации неграмотности. И даже, напротив, такая скромная работа как раз по его плечу.

Но наряду с этим у автора имеется чрезвычайное стремление как ни можно скорей написать свои воспоминания об этом человеке, ибо в дальнейшем жизнь перешагнет его, и все забудется, и травой зарастет та тропинка, по которой прошел наш скромный герой, наш знакомый и, прямо скажем, наш родственник, М. П. Синягин.

И это последнее обстоятельство позволило автору видеть всю его жизнь, все мелочи его жизни и все события, развернувшиеся в последние годы. Вся личная его жизнь прошла, как на сцене, перед глазами автора.

Вот тут, который с усиками и в замшевом костюмчике, если не дай бог он проскользнет в будущее столетие, наверное, слегка удивится и запылится на своей сафьяновой козетке.

— Милуша, — скажет он, поглаживая свои усишки, — интересно, — скажет. — У них, — скажет, — какая-то личная жизнь была.

— Андреус, — скажет она грудным голосом, — не мешай, — скажет, — за ради бога, я стихи читаю... А в самом деле, читатель, какой-нибудь этакий с усиками в его спокойное время прямо нипочем правильно не представит нашей жизни. Он, наверно, будет думать, что мы все время в землянках сидели, воробьев кушали и вели какую-нибудь немислимую, дикую жизнь, полную ежедневных катастроф и ужасов.

Правда, надо прямо сказать, что многие и не имели так называемой личной жизни — они отдавали все силы и всю волю для ради своих идей и для стремления к цели.

Ну, а которые помельче, те безусловно ловчились, приспособлялись и старались попасть в ногу со временем для того, чтобы прилично прожить и поплотнее покушать.

И жизнь шла своим чередом. Происходили любовь и ревность, и деторождение, и разные великие материнские чувства, и разные тому подобные прекрасные переживания. И мы ходили с де-

вушками в кино. И катались на лодках. И пели под гитару. И кушали вафли с кремом. И носили модные носочки с прожилками. И танцевали фокстрот под домашний рояль...

Нет, жизнь шла понемножку, как она и всегда и при всех любых обстоятельствах идет.

И любители такой жизни по мере своих сил приспособлялись и приноравливались.

Так сказать, каждая эпоха имеет свою психику. И в каждую эпоху, пока что, было одинаково легко и одинаково трудно жить.

Для примера, на что уж был беспокойный век, ну, скажем, шестнадцатый. Нам издали поглядеть — так прямо невыносимым кажется. Чуть не каждый день в то время на дуэлях дрались. Гостей с башен сбрасывали почем зря. И ничего. Все в порядке вещей было.

Нам-то, с нашей психикой, прямо боязно представить себе подобную ихнюю жизнь. Для примера, какой-нибудь там ихний феодальный сукин-сын, какой-нибудь там виконт или там бывший граф идет, для примера, погулять.

Вот идет он погулять и, значит, шпагу сбоку прищипливает: мало ли, кто-нибудь его сейчас, боже сохрани, плечом пихнет или обругает трехэтажно — сразу надо драться. И ничего.

Идет на прогулку и даже на морде никакой грусти или паники не написано. Напротив того, идет

и даже, может быть, улыбается и насвистывает.
Ну, жену небрежно на прощанье поцелует.

— Ну, — скажет, — машер, я того . . . пошел прогуляться.

И та — хоть бы хны.

— Ладно, — скажет, — не опоздай, — скажет, — к обеду.

Да в наше время жена бы рыдала и за ноги бы цеплялась, умоляя не выходить на улицу, или, в крайнем случае, просила бы обеспечить ей безбедное существование. А тут просто и безмятежно. Взял шпажонку, поточил ее, если она затупилась от прежней стычки, и пошел побродить до обеда, имея почти все шансы на дуэль или столкновение.

Надо сказать, если б автор жил в ту эпоху, его бы силой из дому не выкурили. Так бы всю жизнь и прожил бы взаперти вплоть до нашего времени.

Да, с нашей точки зрения неинтересная была жизнь. А там этого не замечали и жили поплеывая. И даже ездили в гости к имеющим башни.

Так что в этом смысле человек очень великолепно устроен. Какая жизнь идет — в той он и прелестно живет. А которые не могут, те, безусловно, отходят в сторону и не путаются под ногами. В этом смысле жизнь имеет очень строгие

законы, и не всякий может поперек пути ложиться и иметь разногласия.

Так вот, сейчас перейдем к главному описанию, из-за чего, собственно, и началась эта книга. Автор извиняется, если он чего-нибудь лишнее сболтнул, не идущее к делу. Уж очень все такие нужные моменты и вопросы, требующие немедленного разрешения.

А что до психики, так это очень верно. Это вполне историей проверено.

Так вот, сейчас со спокойной совестью мы перейдем к воспоминаниям о человеке, который жил в начале двадцатого века.

По ходу повествования автор принужден будет касаться многих тяжелых вещей, грустных переживаний, лишений и нужды.

Но автор просит не выносить об этом поспешного заключения.

Некоторые нитки способны будут все невзгоды приписать только революции, которая происходила в то время.

Очень, знаете, странно, но тут дело не только в революции. Правда, революция сбила этого человека с позиции. Но тут, как бы сказать, во все времена возможна и вероятна такая жизнь. Автор подозревает, что такие именно воспоминания могли быть написаны о каком-нибудь другом человеке, жившем в другую эпоху.

Автор просит отметить это обстоятельство.

Вот у автора был сосед по комнате. Бывший учитель рисования. Он спился. И влачил жалкую и неподобающую жизнь. Так этот учитель всегда любил говорить:

— Меня, — говорит, — не революция подпилила. Если б и не было революции, я бы все равно спился или бы проворовался, или бы меня на войне подстрелили, или бы в плену морду свернули на сторону. Я, — говорит, — заранее знал, на что иду и какая мне жизнь предстоит.

И это были золотые слова.

Автор не делает из этого мелодрамы. Нет. Автор уверен в победном шествии жизни, вполне годной для того, чтобы прожить припеваючи. Уж очень много людей об этом думает и ломает себе головы, стараясь потрафить человеку в этом смысле.

Конечно, еще, так сказать, пролог истории. Еще жизнь не утряслась. Говорят, люди двести лет назад чулки-то только стали впервые носить.

Так что все в порядке. Хорошая жизнь приближается.

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ. МОЛОДОСТЬ. СОЗЕРДА-
ТЕЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ. ЛЮБОВЬ К КРА-
СОТЕ. О НЕЖНЫХ ДУШАХ. ОБ ЭР-
МИТАЖЕ И О ЗАМЕЧАТЕЛЬ-
НОЙ СКИФСКОЙ
ВАЗЕ.

Михаил Поликарпович Си-
нягин родился в тысяча восемьсот восемьдесят
седьмом году в имении «Паньково» Смоленской
губернии.

Мать его была дворянка, а отец почетный гра-
жданин.

Но поскольку автор был моложе М. П. Синягина
лет на десять, то ничего такого путного автор и не
может сказать об его молодых годах, вплоть до
тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Но поскольку его всегда — и даже в сорок лет —
называли Мишелем, было видно, что он имел неж-
ное детство, внимание, любовь и душевную ласку.
Его называли Мишелем — и верно, его нельзя
было назвать иначе. Все другие грубые наиме-
нования мало шли к его лицу, к его тонкой фи-
гуре и к его изящным движениям, исполненным
грации, достоинства и чувства ритма.

Кажется, что он окончил гимназию и, кажется, два
или три года он еще где-то такое проучился.
Образование у него было во всяком случае самое
незаурядное.

В тысяча девятьсот шестнадцатом году — автор, с высоты своих восемнадцати лет, находясь с ним в одном и том же городе, невольно наблюдал его жизнь и был, так сказать, очевидцем многих важных и значительных перемен и событий.

М. П. Синягин не был на фронте по случаю ущемления грыжи. И в конце Европейской войны он слонялся по городу в своем штатском макинтоше, имея цветок в петлице и изящный, со слоновой ручкой, стэк в руках.

Он ходил по улицам всегда несколько печальный и томный, в полном одиночестве, бормоча про себя стишки, которые он в изобилии сочинял, имея все же порядочное дарование, вкус и тонкое чутье ко всему красивому и изящному.

Его восхищали картины печальной и однообразной псковской природы, березки, речки и разные мошки, кружащиеся над цветочными клумбами.

Он уходил за город и, сняв шляпу, с тонкой и понимающей улыбкой следил за игрой птичек и комариков.

Или глядел на движущиеся тучные облака и, закинув голову, тут же сочинял на них соответствующие рифмы и стихи.

В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью

к красоте и к разным изобразительным искусствам.

Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась вся Европа и даже весь мир.

И верно, это были очень такие тонкие ценители искусства и балета и авторы многих замечательных произведений и вдохновители многих отличных дел и великих учений.

Это не были спецы с точки зрения нашего понимания.

Это были просто интеллигентные, возвышенные люди. Многие из них имели нежные души. А некоторые просто даже плакали при виде лишнего цветка на клумбе или прыгающего на навозной куче воробушка.

Дело прошлое, но, конечно, надо сказать, что в этом была даже некоторая какая-то такая ненормальность. И такой пышный расцвет безусловно был за счет чего-то такого другого.

Автор не владеет искусством диалектики и незнаком с разными научными теориями и течениями, так что не берется в этом смысле отыскивать причины и следствия. Но, грубо рассуждая, можно, конечно, кое до чего докопаться.

Если, предположим, в одной семье три сына. И если, предположим, одного сына обучать, кормить

бутербродами с маслом, давать какао, мыть ежедневно в ванне и бриолином голову причесывать, а другим братьям давать пустяки и урезывать их во всех ихних потребностях, то первый сын очень свободно может далеко шагнуть и в своем образовании и в своих душевных качествах. Он и стишки начнет загибать, и перед воробушками умиляться, и говорить о разных возвышенных предметах.

Вот автор недавно был в Эрмитаже. Глядел скифский отдел. И там есть одна такая замечательная, прочная ваза. И лет ей, говорят, этой вазе, чего-то такое, если не врут, больше как две тысячи. Такая шикарная золотая ваза. Очень исключительной тонкой скифской работы. Неизвестно, собственно, для чего ее скифы изготовили. Может, там для молока или полевые цветы туда ставить, чтоб скифский король нюхал. Неизвестно, ученые не выяснили. А нашли эту вазу в кургане.

Так вот, на этой вазе автор вдруг увидел рисунки—сидят скифские мужики. Один мужиченко-средняк сидит, другой ему зуб пальцами выковыривает, третий лаптишки себе поправляет.

Автор поглядел поближе — батюшки светы! Ну, прямо наши дореволюционные мужики. Ну, скажем, тысяча девятьсот тринадцатого года. Даже костюмы те же — такие широкие рубахи, подпояски. Длинные спутанные бороды.

Автору даже как-то не по себе стало. Что за чорт. Смотрит в каталог — вазе две тысячи лет. На рисунки поглядишь — лет на полторы тысячи поменьше. Либо, значит, сплошное жульничество со стороны научных работников Эрмитажа, либо такие костюмчики и лапти так и сохранились вплоть до нашей революции.

Всеми этими разговорами автор, конечно, несколько не хочет унизить бывшую интеллигентскую прослойку, о которой шла речь. Нет, тут просто выяснить хочется, как и чего, и на чьей совести камень лежит.

А прослойка, надо сознаться, была просто хороша, ничего против не скажешь.

Что касается М. П. Синягина, то автор, конечно, и не хочет его равнять с теми, о ком говорилось. Но все-таки это был человек тоже в достаточной степени интеллигентный и возвышенный. Он многое понимал, любил красивые безделушки и по минутно восторгался художественным словом. Он сильно любил таких прекрасных, отличных поэтов и прозаиков, как Фет, Блок, Надсон и Есенин.

И в своем собственном творчестве, не отличаясь исключительной оригинальностью, он был под сильным влиянием этих славных поэтов. И, в особенности, конечно, под влиянием исключительно гениального поэта тех лет А. А. Блока.

МАТЬ И ТЕТКА М. Ц. СИНЯГИНА. ИХНЕЕ ПРО-
ШЛОЕ. ПОКУПКА ИМЕНИЯ. ЖИЗНЬ В ПСКО-
ВЕ. ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ. ХАРАКТЕР И
НАКЛОННОСТИ ТЕТКИ М. А. АР-
ВОЙ. ВСТРЕЧА С Л. Н. ТОЛ-
СТЫМ. СТИХИ ПОЭТА. ЕГО
ДУШЕВНОЕ НАСТРОЕ-
НИЕ. УВЛЕЧЕ-
НИЕ.

Мишель Синягин жил со своей мамашей, Анной Аркадьевной Синягиной, и с ее сестрицей, Марьей Аркадьевной, о которой в дальнейшем будет особая речь, особое описание и характеристика, в силу того, что эта почтенная дама и вдова генерала Ар-ва играет немало важную роль в нашем повествовании.

Итак, в тысяча девятьсот семнадцатом году они втроем проживали в Пскове как случайные гости, застрявшие в этом небольшом славном городишке по причинам, не от них зависящим.

Во время войны они приехали сюда для того, чтобы поселиться у своей сестры и тетки, Марьи Аркадьевны, которая по случаю приобрела неподалеку от Пскова небольшое имение.

В этом имении обе старушки и хотели скоротать свой век вблизи с природой, в полной тишине и покое, после довольно бурно и весело проведенной жизни.

Это злополучное имя и было названо соответствующим образом «Затишье».

А Мишель, этот довольно грустноватый молодой человек, склонный к неопределенной меланхолии и несколько угнетенный своей поэтической работой и шумом столичной жизни, с ее ресторанами и певицами и мордобоем, также хотел некоторое время спокойно пожить в тиши, для того чтоб набраться сил и снова пуститься во все тяжкие.

Все, однако, сложилось иначе, чем было задумано.

«Затишье» было куплено перед самой революцией, что-то месяца за два, так что семейство не успело даже туда перебраться со своими вещами и сундуками. И эти сундуки, перины, диваны и кровати временно и наспех были сложены на городской квартире у псковских знакомых. И именно в этой квартире в дальнейшем и пришлось прожить несколько лет Мишелю со своей престарелой мамашей и теткой.

Отличаясь свободомыслием и имея некоторую, что ли, тенденцию и любовь к революциям, обе старушки не очень обезумели по случаю революционного переворота и изъятия имений от помещиков. Однако, младшая сестрица, Марья Аркадьевна, всадившая в это дело около шестидесяти тысяч капитала, все же иной раз охала и присе-

дала, и говорила, что это чорт знает что такое, поскольку нельзя въехать в имение, купленное на собственные кровные деньги.

Анна Аркадьевна, мать Мишеля, была довольно незаметная дама. Она ничем таким особенным не проявила себя в своей жизни исключая рождения поэта.

Это была довольно тихая, мало сварливая старушка, любящая сидеть у самовара и кушать кофе со сливками.

Что касается Марьи Аркадьевны, то эта дама была уже в другом роде.

Автор не имел удовольствия видеть ее в молодые годы, однако было известно, что она была до чрезвычайности миленькая и симпатичная девица, полная жизни, огня и темперамента.

Но в те годы, о которых идет речь, это была уже бесформенная старушка, скорей безобразная, чем красивая, однако еще очень подвижная и энергичная.

В этом смысле на ней сказалась ее бывшая профессия. В молодые годы она была балериной и работала в кордебалете Мариинского театра.

Она была в некотором роде даже знаменитостью, поскольку ею увлекался бывший великий князь Николай Николаевич. Правда, он вскоре ее оставил, подарив ей какой-то особый кротовый па-

лантин, бусы и еще чего-то такое. Но начатая карьера ее была сделана.

Обе эти старушки в дальнейшем будут играть довольно видную роль в жизни Мишеля Синягина, так что пускай читатель не принимает близко к сердцу и не сердится, что автор останавливается на описании таких, что ли, дряхловатых и отцветших героинь.

Поэтическая атмосфера в доме благодаря Мишелю несколько отозвалась и на наших дамах.

И Марья Аркадьевна любила говорить, что она вскоре приступит к своим мемуарам.

Ее бурная жизнь и встреча со многими известными людьми стоила того.

Она самолично будто бы два раза видела Л. Н. Толстого, Надсона, Кони, Переверзева и других знаменитых людей, о которых она и хотела поведать миру свои соображения.

Итак, перед началом революции семья приехала в Псков и там застряла на три года.

М. П. Синягин всякий день говорил, что он ни за что не намерен торчать здесь и что при первой возможности он уедет в Москву или Ленинград. Однако последующие события и перемены жизни значительно отдалили этот отъезд.

И наш Мишель Синягин продолжал свою жизнь под псковским небом, занимаясь пока что своими стихами и своим временным увлечением одной

СИМОЧКА М.
В ГОД ОКОНЧАНИЯ ГИМНАЗИИ
1916 г.

местной девушкой, которой он в изобилии посвящал свои стихи.

Конечно, эти стихи не были отмечены гениальностью, они не были даже в достаточной мере оригинальны, но свежесть чувства и бесхитростный, несложный стиль делали их заметными в общем котле стихов того времени.

Автор не помнит этих стихов. Жизнь, заботы и огорчения изгнали из памяти изящные строчки и поэтические рифмы, но какие-то отрывки и отдельные строфы запомнились в силу их неподдельного чувства.

Лепестки и незабудки
Осыпались за окном...

Автор не запомнил всего этого стихотворения «Осень», но помнится, что конец его был полон гражданской грусти:

Ах, скажите же, зачем,
Отчего в природе
Так устроено. И тем
Счастья в жизни нет совсем...

Другое стихотворение Мишеля говорило о его любви к природе и ее бурным стихийным проявлениям:

Гроза.

Гроза прошла,
И ветки белых роз
В окно мне дышат

Дивным ароматом.
Еще трава полна
Прозрачных слез,
А гром гремит вдали
Раскатом.

Это стихотворение было разучено всей семьей, и старые дамы ежедневно нараспев повторяли его, чем доставляли живейшую радость его автору.

А когда приходили гости, Анна Аркадьевна Синягина волокла их в комнату Мишеля и там, показывая на письменный стол карельской березы, вздыхала и с увлажненными глазами говорила:

— Вот за этим столом Мишель написал свои лучшие вещи: «Гроза», «Лепестки и пезабудки» и «Дамы, дамы».

— Мамаша, — говорил вспыхивая Мишель, — бросьте.

Гости покачивали головами и, не то одобряя не то огорчаясь, трогали пальцами стол и неопределенно говорили: «Н-да, ничего себе».

Некоторые же меркантильные души тут же спрашивали, за сколько куплен этот стол, и тем самым переводили разговор на другие рельсы, менее приятные для матери и Мишеля.

Поэт отдавал внимание и женщинам, однако, находясь под сильным влиянием знаменитых поэтов того времени, он не бросал свои чувства

какой-нибудь отдельной женщине. Он любил не-реально какую-то неизвестную женщину, блестящую в своей красоте и таинственности.

Одно прелестное стихотворение «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно» отлично раскрывало это отношение. Это стихотворение заканчивалось так:

Оттого-то незнакомкой я любовью. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной,
Неохота мне глядеть на знакомое лицо,
Неохота ей давать обручальное кольцо...

Тем не менее, поэт увлекся одной определенной девушкой, и в этом смысле его поэтический гений шел несколько вразрез с его житейскими потребностями.

Однако справедливость требует отметить, что Мишель тяготился своим земным увлечением, находя его несколько вульгарным и мелким. Его главным образом пугало, как бы его не окружили и как бы его не заставили жениться и тем самым не снизили бы его до простых, повседневных поступков.

Мишель рассчитывал на другую, более исключительную судьбу. И о своей будущей жене он мечтал как о какой-то удивительной даме, вовсе не похожей на псковских девушек.

Он не представлял в точности, какая у него будет жена, но, думая об этом, он мысленно видел на-

ких-то собачек, какие-то меха, сбруи и экипажи. Она выходит из экипажа, и лакей, почтительно кланяясь, открывает дверцы.

Девушка же, которой он увлекся, была более простенькая девушка. Это была Симочка М., окончившая в тот год псковскую гимназию.

УВЛЕЧЕНИЕ. КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ. СТРАСТ-
НАЯ ЛЮБОВЬ К ПОРТУ. ВДОВА М.
И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКА. НЕОЖИ-
ДАННЫЙ ВИЗИТ. НЕКРА-
СИВАЯ СЦЕНА. СО-
ГЛАСИЕ НА
БРАК.

Относясь несколько небрежно к Симочке, Мишель все же порядочно был увлечен ею, ни на минуту, впрочем, не допуская мысли, что он может жениться на ней.

Это было простое увлечение, это была несерьезная и, так сказать, черновая любовь, которой и не следовало бы забивать своего сердца.

Симочка была миленькая и даже славненькая девушка, личико которой, к сожалению, чрезмерно было осыпано веснушками.

Но, поскольку она не входила глубоко в жизнь Мишеля, он и не протестовал против этого и даже находил это весьма милым и не лишним.

Они оба уходили в лес или в поле и там нараспев читали стихи или бегали взапуски, как дети, резвясь и восторгаясь солнцем и ароматом.

Тем не менее, в одно прекрасное время Симочка почувствовала себя матерью, о чем и сообщила своему другу. Она любила его первым девичьим чувством и даже могла подолгу глядеть на его лицо не отрываясь.

Она страстно и трогательно любила его, отлично понимая, что он ей, провинциальной девушке, не пара.

Известие, сообщенное Симочкой, глубоко ошеломило и даже напугало Мишеля. Он не столько боялся Симочки, сколько он боялся ее матери, известной в городе гр. М., очень энергичной живой вдовы, отягченной большой семьей. У нее было что-то около шести дочерей, которых она довольно успешно и энергично устраивала замуж, идя ради этого на всевозможные хитрости, угрозы и даже оскорбления действием.

Это была очень такая смуглая, несколько рябая дама. Несмотря на это все девочки у нее были белокурые и даже скорей белобрысенькие, похожие, вероятно, на отца, умершего два года назад от сапа.

В то время не было еще алиментов и брачных льгот, и Мишель с ужасом думал о возможных последствиях.

Он решительно не мог жениться на ней. Он не о такой мечтал жене и не на такую провинциальную жизнь он рассчитывал.

Ему казалось все это временным, случайным и преходящим. И что вскоре начнется другая жизнь, полная славных радостей, восторгов, подвигов и начинаний.

И, глядя на свою подругу, он думал, что она ни в каком случае не должна быть его женой — эта белобрысенькая девушка с веснушками. Кроме того, он знал ее старших сестер — все они, выходя замуж, быстро увядали и старели, и это также было не по душе поэту.

Он уже хотел смотать удочки и выехать в Ленинград, но последующие события задержали его в Пскове.

Смуглая и рябая дама, вдова М., пришла к нему на квартиру и потребовала, чтоб он женился на ее дочери.

Она пришла в тот день и в тот час, когда в квартире никого не было, и Мишель волей-неволей должен был единолично принять на себя весь удар.

Она пришла к нему в комнату и сначала даже несколько сконфуженно и робко поведала о цели своего посещения.

Скромный, мечтательный и деликатный поэт сначала также вежливо пытался возражать ей, но все слова его были малоубедительны и не доходили до сознания энергичной дамы.

Вскоре вежливый тон сменился на более энергичный. Последовали жесты и даже безобразные слова и крики. Оба кричали одновременно, стараясь заглушить друг друга и тем самым морально подавить волю и энергию.

Вдова М. сидела в кресле, но, разгорячившись, начала крупно шагать по комнате, двигая для большей убедительности стулья, этажерки и даже тяжелые сундуки. Мишель, как утопающий, старался выбраться из пучины и, не сдаваясь, орал и старался даже физически оттеснить вдову в другую комнату и в прихожую.

Но вдова и любящая, энергичная мать неожиданно вдруг вскочила на подоконник и торжественным голосом сказала, что вот сейчас она выпрыгнет из окна на Соборную улицу и погибнет как собака, если он не даст своего согласия на этот брак. И, раскрыв окно, она моталась на подоконнике, рискуя каждую минуту свалиться вниз.

Мишель стоял ошеломленный и, не зная что делать, то подбегал к ней, то к столу, то бросался, схватившись за голову, в коридор, чтоб позвать на помощь.

Уже внизу, на улице, стали собираться люди, показывая пальцами и высказывая самые смелые предположения по поводу кричащей и прыгающей на окне дамы.

Гнев, оскорбление, страх скандала и ужас сковали Мишеля, и он стоял теперь подавленный столь энергическим характером этой дамы.

Он стоял у стола и с ужасом наблюдал за своей гостьей, которая пронзительно, как торговка, визжала и требовала положительного ответа.

Ее ноги скользили по подоконнику, и каждое неосторожное движение могло вызвать ее падение со второго этажа.

Была чудная августовская погода. Солнце блестело с синего неба. Зайчик на стене прыгал от раскрытого окна. Все было знакомо и прекрасно в своей милой повседневности, и только кричащая и визжащая дама нарушала обычный ход вещей. И, волнуясь и умоляя прекратить выкрики, Мишель дал свое согласие на брак с Симочкой.

Мадам немедленно и охотно сошла тогда с окна и тихим голосом просила его извинить за ее несколько, может быть, шумное поведение, говоря при этом о своих материнских чувствах и ощущениях.

Она поцеловала Мишеля в щеку и, назвав его своим сыном, всхлипнула при этом от неподдельности своих чувств.

Мишель стоял как в воду опущенный, не зная что сказать и что сделать и как выпутаться из беды. Он проводил вдову до дверей и, подавленный ее волей, поцеловал даже неожиданно для себя ее руку и, окончательно смешавшись, попросился до скорого свидания, лепеча какие-то отдельные слова, мало идущие к делу.

Вдова молча, торжественно и сияя покинула дом, предварительно попудрившись и подрисовав сбитые на сторону брови.

ПЕРВОЕ ПОТряСЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНОЕ НА-
СЛЕДСТВО. СВИДАНИЕ. СВАДЬБА. ОТЪ-
ЕЗД ТЕТКИ МАРЬИ. КОНЧИНА
МАТЕРИ. РОЖДЕНИЕ РЕ-
БЕНКА. ОТЪЕЗД МИ-
ШЕЛЯ.

В тот злосчастный день вечером, после ухода незваной гостьи, Мишель написал свое известное стихотворение, впоследствии переложенное на музыку: «Сосны, сосны, ответьте мне . . .»

Это его несколько успокоило, однако потрясение было настолько значительное и серьезное, что ночью Мишель почувствовал сильное сердцебиение, безотчетный страх, тошноту и головокружение.

Думая, что помирает, с трясущимися руками, в одних подштанниках, поэт вскочил с кровати и, хватаясь за сердце, с тоской и страхом разбудил свою мамашу и тетку, которые не были еще посвящены в эту историю. И, ничего не объясняя, он начал лепетать о смерти и о том, что он хочет отдать свои последние распоряжения по поводу рукописей.

Он, качаясь, подошел к столу и начал вытаскивать груды рукописей, перебирая их, сортируя и указывая, что, по его мнению, следовало бы издать и что следует отложить на будущие времена

Обе немолодые дамы, отвыкшие от ночных по­хождений, в нижних юбках и с распущенными во­лосами, с тоской мотались по комнате и заламы­вая руки пытались уговорить и даже силой уло­жить Мишеля в постель, считая нужным поставить ему компресс на сердце или смазать иодом бок и тем самым оттянуть кровь, бросившуюся в голову. Но Мишель, прося не тревожиться за свое, в сущ­ности, ничтожную жизнь, велел лучше запоми­нать то, что он говорит по поводу своего литера­турного наследства.

Разобрав рукописи, Мишель, бегая по комнате в своих подштанниках, начал диктовать тетке Марье Аркадьевне новый вариант «Лепестков и незабудок», который он не успел еще переложить на бумагу.

Плача и захлебываясь слезами, тетка Марья, при свете свечи, марала бумагу, путая и перевирая строфы и рифмы.

Лихорадочная работа несколько отвлекла Мишеля от его заболевания. Сердцебиение продолжалось, но было более умеренно, и головокружение смени­лось полной сонливостью и апатией. И Мишель, неожиданно для всех, тихо заснул, прикурнув в кресле.

Прикрыв его пледом и перекрестив, старые дамы удалились, страшаясь за столь нервный организм и неуравновешенную психику поэта.

На другой день Мишель встал освеженный и бодрый. Но вчерашний страх не покидал его, и он поведал о своих потрясениях своим родственникам.

Драмы и слезы были в полном разгаре, когда пришла записка от Симочки, умолявшей его о свидании.

Он пошел на это свидание, надменный и сдержанный, не думая, впрочем, в силу некоторой своей порядочности, ловчиться и отлынивать от обещаний.

Влюбленная женщина умоляла его простить недостойное поведение ее матери, говоря, что она лично, хотя и мечтала связать свою жизнь с ним, но никогда не рискнула бы пойти на такие нахальные требования.

Мишель сдержанно сказал, что он сделает то, что обещано, но что на дальнейшую совместную жизнь он не дает гарантий. Может, он проживет в Пскове год или два, но в конце концов он, скорей всего, уедет в Москву или Ленинград, где он и намерен продолжать свою карьеру, или во всяком случае будет там искать соответствующей жизни, удовлетворяющей его потребностям.

Не оскорбляя девушку словами, Мишель все же дал ей понять разницу в их, если и не положении, которое уравнивалось революцией, то, во всяком случае, назначении в жизни.

Влюбленная молодая дама, соглашаясь во всем, восторженно глядела на его лицо и говорила, что она ничем не хочет связывать его жизни, что он волен поступать так, как ему заблагорассудится. Несколько успокоенный в этом смысле, Мишель сам даже стал говорить, что брак этот решенное дело, но что, когда он произойдет, он еще не может сказать.

Они расстались, как и прежде, скорее дружески, чем враждебно. И Мишель спокойным шагом побрел домой несмотря на то, что рана в его душе не могла зажить так скоро.

Мишель женился на Симочке М., примерно, через полгода, зимой, в январе.

Предстоящий брак чрезвычайно подействовал на здоровье матери Мишеля. Она начала жаловаться на скуку жизни и пустоту и на глазах чахла и хирела, почти не вставая из-за самовара. Понятие о браке было в то время несколько иное, чем теперь, и это был шаг, по мнению старых женщин, единственный, решительный и освященный таинством.

Тетка Марья также была потрясена. Причем она как-то даже оскорбилась подобным ходом дела и уже все более часто говорила, что ей здесь не место, что она в ближайшее время поедет в Ленинград, где и приступит к своим мемуарам и описаниям встреч.

Мишель, несколько сконфуженный всеми делами, угрюмый ходил по комнатам, говоря, что если *б не данное слово, он наплевал бы на все и уехал бы куда глаза глядят. Но во всяком случае пусть все знают, что этот брак не связывает его: он хозяин своей жизни, он не отступает от своих планов и вероятно через полгода или год поедет вслед за теткой.

Свадьба была сыграна скромно и просто.

Они записались в комиссариате, после чего в церкви Преображения было устроено скромное венчание. Все родственники с обеих сторон ходили сдержанные и как бы по-разному оскорбленные в своих чувствах. И только вдова М., напудренная и подкрашенная, колбасилась в своей вуали по церкви и по квартире Мишеля; в которой и был устроен свадебный ужин.

Вдова одна за всех говорила за столом, провозглашала тосты и спичи и осыпала старух комплиментами, всячески поддерживая этим веселое расположение духа и приличный тон свадьбы.

Молодая краснела за свою мать—и за ее рябоватое лицо и за ее пронзительный, не дававший никому спуска, голос, и опустив голову сидела за своим прибором.

Мишель за весь вечер не терял своей сдержанности, однако его точили тоска и мысли о том, что его все же, чего бы там ни говорили, опутали

как сукинова сына. И что эта арапская женщина взяла его на испуг, тем более что навряд ли она кинулась бы из окна.

И в конце ужина, криво усмехаясь, он, после поздравлений и любезностей, спросил вдову об этом, наклонившись к ее уху:

— А ведь вы бы не прыгнули из окна, Елена Борисовна, — сказал он.

Вдова успокаивала его как могла, говоря и давая торжественные клятвы в том, что она несомненно и скорей всего прыгнула бы, если б он не дал своего согласия. Но под конец, разозленная его кривыми улыбочками, сердито сказала, что у ней шесть дочерей и если из-за каждой она начнет из окон прыгать, то и окон для этого не хватит в помещении.

Мишель пугливо смотрел на ее злое, оскорбленное лицо и, смешавшись, отошел в сторону.

— Все ложь, форменный эгоизм и обман, — бормотал Мишель, с краской в лице вспоминая подробности.

Вечер все же прошел прилично и не оскорбительно для гостей, и началась повседневная жизнь с разговорами об отъезде, о лучшей жизни и о том, что в этом городе невозможно сколько-нибудь прилично устроить свою судьбу, принимая во внимание революционную грозу, которая все более и более разгоралась.

В ту весну, наконец, собравшись, уехала в Ленинград тетка Марья Аркадьевна и вскоре оттуда прислала отчаянное письмо, в котором извещала, что в дороге ее обокрали, унеся ее саквояж с частью драгоценностей.

Письмо было несвязное и запутанное — видимо, это потрясение сильно подействовало на немолодую даму.

К этому времени тихо и неожиданно скончалась мать Мишеля, не успев даже ни с кем проститься и отдать свои последние распоряжения.

Все это сильно подействовало на Мишеля, который стал какой-то тихий, робкий и даже пугливый. Были пролиты слезы, но это событие вскоре заслонилось другим. У Симочки родился щупленький, но милый ребенок, и новое, не испытанное отцовское чувство несколько захватило Мишеля.

Однако это не долго продолжалось, и он снова начал поговаривать об отъезде, уже более реально и решительно.

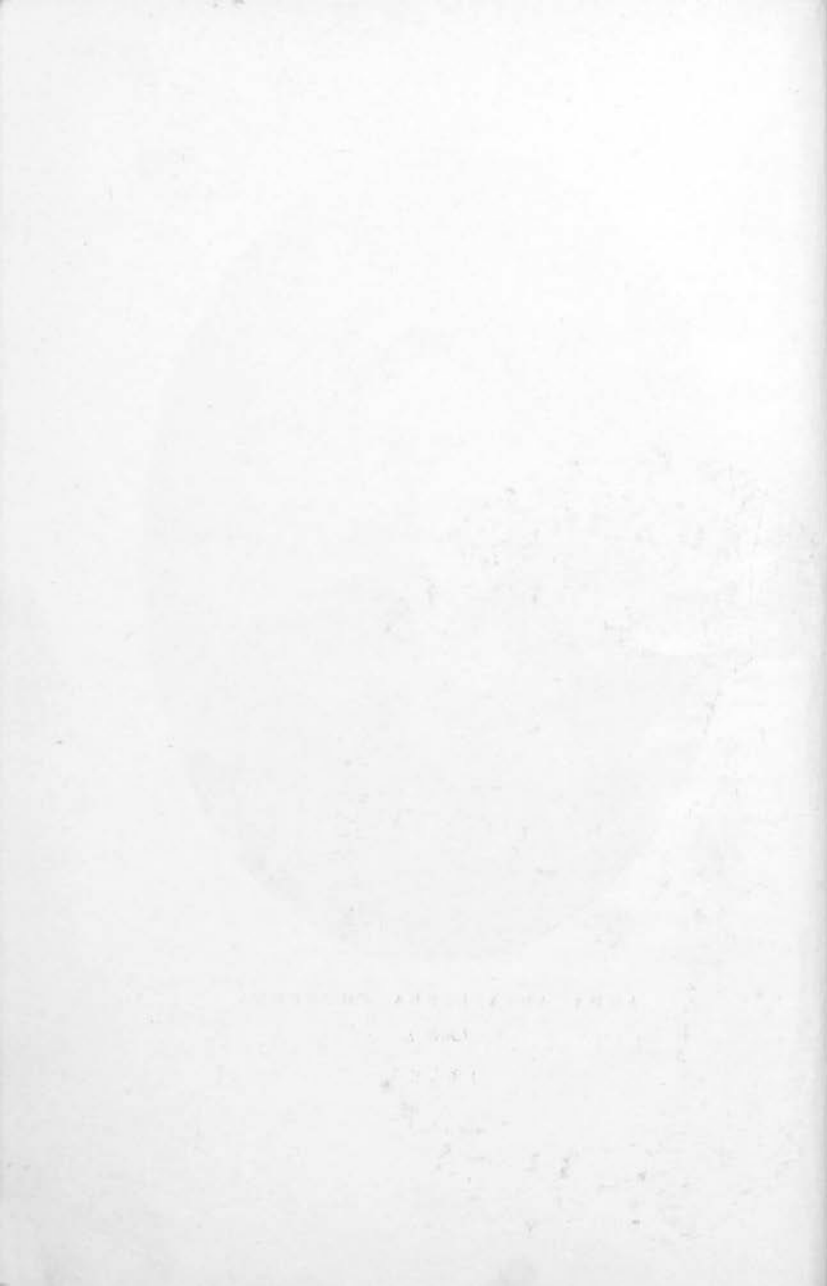
И осенью, получив от тетки Марьи новое письмо, которое он никому не показал, Мишель быстро стал собираться, говоря, что он обеспечивает свою жену и ребенка всем движимым имуществом, оставляя его в их полную собственность.

Молодая дама попрежнему, а может даже и более, влюбленная в своего супруга, с ужасом слушала

АННА АРКАДЬЕВНА СИНЯГИНА

1908 г.

его слова, но не смела его удерживать, говоря, что он волен поступать, как ему хочется.

Она его любит попрежнему и несмотря ни на что, и пусть он знает, что тут, в Пскове, остается верный ему человек, готовый следовать за ним по пятам и в Ленинград и в ссылку.

Пугаясь, как бы она не увязалась за ним в Ленинград, Мишель переводил разговор на другие темы, но молодая дама, рыдая, продолжала говорить о своей любви и самопожертвовании.

Да, она ему не пара, она всегда это знала, но если когда-нибудь он будет старый, безногий, если когда-нибудь он ослепнет или будет сослан в Сибирь — тогда он может позвать ее и она с радостью отзовется на его приглашение.

Да, она даже хотела бы для него беды и несчастья — это их уравнило бы в жизни.

Мучаясь от жалости и проклиная себя за малодушные и такие разговоры, Мишель стал поторавливаться с отъездом.

В эту пору объяснений и слез Мишель написал новое стихотворение «Нет, не удерживай меня, младая дева» и стал быстро и торопливо укладывать свои чемоданы.

Он не долго вкушал семейное счастье и в одно прекрасное утро, достав разрешение на выезд, отбыл в Ленинград с двумя небольшими чемоданами и корзинкой.

Н О В Ы Е П Л А Н Ы. Н Е С Ч А С Т Ь Е Т Е Т К И М А Р Ь И.
М И Ш Е Л Ь П О С Т У П А Е Т Н А С Л У Ж Б У,
Н О В А Я К О М Н А Т А. Н О В А Я Л Ю -
Б О В Ь. Н Е О Ж И Д А Н Н А Я
К А Т А С Т Р О Ф А. С Е Р Ь -
Е З Н А Я Б О Л Е З Н Ь
Т Е Т К И.

Мишель приехал в Ленинград и поселился на Фонтанке, угол Невского. Он временно поселился в теткиной комнате за ширмой. Однако ему твердо была обещана отдельная комната, как только кто-нибудь из жильцов помрет.

Но Мишель и не очень торопился с этим. Другие идеи и планы теснились в его голове.

Он приехал в Ленинград примерно за год или за два до нэпа. Революция была в полном разгаре. Голод и разруха, так сказать, сжимали город в своих цепких объятиях. И, казалось, было странным приезжать в эту пору и искать лучшей жизни и карьеры. Но на это были свои причины.

В присланном письме тетка Марья со своей беспечностью извещала Мишеля, что, вероятно, в ближайшие месяцы город Ленинград отойдет к Финляндии или к Англии и будет объявлен вольным городом. В ту пору такие слухи ходили среди населения, и Мишель, взволнованный этим извещением, поторопился приехать.

Тетка, кроме того, извещала, что она отнюдь не переменила своих либеральных убеждений и не идет против революции, но поскольку революция продолжается так долго и вот уже третий год, как ей не отдают имущества, то это просто ни на что не похоже, и в таком случае им самим необходимо предпринять решительные шаги.

Итак, в силу этого, Мишель прибыл в Ленинград и поселился на Фонтанке.

Он нашел тетку чрезвычайно изменившейся. Он просто не узнал ее.

Это была весьма похудевшая старуха с отвисшей челюстью и блуждающим взором.

Тетка поведала ему, что ее за это время дважды обчистили. Первый раз в поезде и второй раз здесь на квартире. К ней под видом обыска пришли просто какие-то мазурики и, предъявив фальшивый мандат, унесли почти все оставшиеся драгоценности.

Когда-то веселая и живая дама, стала тихой, дрябловатой и не любопытной старухой. Она по большей части лежала теперь на своей кровати и неохотно вступала в разговор даже с Мишедем. А если и начинала говорить, то сводила разговор, главным образом, на свои кражи, волнуясь при этом и неся какую-то явную околесицу.

Однако тетка не была в нужде. На ее шее была прекрасная массивная цепь с золотым лорнетом.

На пальцах ее были нанизаны разные кольца и караты, и имущества в комнате было слишком достаточно.

Время от времени тетка Марья продавала на базаре ту или иную вещь и жила довольно прекрасно, помогая при этом Мишелю, который ничего не имел и не предполагал иметь.

Слухи о вольном городе оставались ни на чем не обоснованными слухами. И в силу этого приходилось подумать о более оседлой жизни и о будущей судьбе.

И Мишель, записавшись на биржу труда, вскоре получил назначение на работу.

Он получил назначение во Дворец Труда. И в силу того, что он не имел никакой специальности и в сущности не умел ничего делать, ему дали мелкую бестолковую работу в справочном отделении.

Такая работа, конечно, не могла удовлетворить духовных и поэтических запросов Мишеля. Больше того: он был несколько даже сконфужен и даже обижен такой работой, более пригодной для молодой беспечной девицы. Давать справки и указания, где какая комната расположена и где какой работает товарищ, — это было просто смешно, несерьезно и даже форменным образом оскорбительно для его мужского достоинства.

Однако в ту пору нельзя было быть слишком разборчивым, и Мишель нес свои обязанности неясно надеясь на какие-то перемены и улучшения. К этому времени Мишель получил в квартире комнату, которая неожиданно очистилась благодаря отъезду за границу одного известного поэта Х.

Это была прелестная небольшая комната, тоже с видом на Фонтанку и Невский.

Это обстоятельство окрылило Мишеля и поэт сделал даже несколько стихотворных набросков, освятив этим свое угасавшее творчество.

Получая паек и небольшую помощь от тетки, он уже довольно прилично себя чувствовал и стал ходить по гостям, найдя в городе кое-каких бывших своих знакомых и товарищей.

В эту зиму было получено два письмаца от Симочки.

Эти письма взволновали Мишеля, но, мучась от жалости к ней, он все же решил не отвечать на них, находя более правильным не морочить голову молодой женщине и не давать ей неопределенных надежд.

И он продолжал свою жизнь, отыскивая в ней новые радости.

В ту пору он сошелся с очень такой исключительной, красивой женщиной, несколько, правда, развязной в своих движениях и поступках.

Это была некая Изабелла Ефремовна Крюкова — очень красивая, элегантная женщина, совершенно неопределенной профессии и даже, кажется, не член профсоюза.

Эта связь доставила Мишелю много новых беспокойств и тревожений.

Не имея средств для приличной жизни, Мишель сколько возможно тянул со своей тетки, которая с каждым днем делалась все более угрюмой, нелюбезной и неохотно пускала в комнату Мишеля. И всякий раз беспокойно следила за его движениями во время визита, видимо побаиваясь, как бы он чего не съёр.

Она давала ему незначительные подачки, и Мишелю приходилось убеждать, кричать, даже ругать тетку, обзывая ее скупердяйкой, держимордой и сволочью.

Около года продолжалась такая беспокойная жизнь.

Красивая возлюбленная приходила к Мишелю на своих французских каблучках и требовала все новых и новых расходов. Поэту приходилось изворачиваться и ломать себе голову в поисках доходов.

Мишель продолжал нести свою службу, к которой он относился все более небрежно и халатно. Он неохотно давал теперь справки, кричал на посетителей и даже в раздражении иной раз топал на

чих ногами, посылая более назойливых к чертям собачьим и дальше.

Он особенно не любил грязных и неуклюжих мужиков, которые приходили за справками, путая, перевирая и неточно излагая свои мысли.

Мишель грубо орал на них, называя их сиволапыми олухами, и морщился от запаха нищеты, некрасивых лиц и грубой одежды.

Конечно, так не могло долго продолжаться, и после целого ряда жалоб Мишель потерял службу, лишившись пайка и кое-каких доходов.

Это был, в сущности говоря, серьезный удар и форменная катастрофа, но влюбленный поэт не замечал, что тучи над его головой сгущаются.

Изабелла Ефремовна приходила к нему почти что всякий день и пела грудным низким голосом разные цыганские романсы, притоптывая при этом ногами и аккомпанируя себе на гитаре.

Это была прелестная молодая дама, рожденная для лучшей судьбы и беспечной жизни. Она презирала бедность и нищету и мечтала уехать за границу, подбивая на это и Мишеля, с которым она мечтала перейти персидскую границу.

И в силу этого Мишель не искал работы и жил, надеясь на какие-то неожиданные обстоятельства.

И эти обстоятельства вскоре последовали.

В одно ненастное утро, придя в комнату тетки для того, чтобы попросить у нее необходимых ему де-

нег и приготовившись к стычке, Мишель был поражен беспорядком и сдвинутыми с места вещами. Тетка Марья сидела в кресле, перебирая в руках какие-то бутылки, пузырьки и коробочки.

Она взволновалась, когда Мишель вошел в комнату, и, пряча под платок свои склянки, начала визжать и бросать в Мишеля что попадет под руку.

Мишель стоял остолбеневший около двери, не смея шагнуть дальше и не понимая, чего, собственно, тут происходит.

Через несколько секунд тетка, позабыв о Мишеле, начала кружиться по комнате, напевая при этом шансонетки и вскидывая ногами.

Тогда Мишель понял, что тетка Марья свихнулась в своем уме.

И, пугаясь ее, взволнованный и потрясенный, он прикрыл дверь и в щелку начал следить за безумной старухой.

У нее появились совершенно необычайные молодые движения. Ее обычная за последний год неподвижность сменилась каким-то бурным весельем, движениями и суетой.

Тетка буквально порхала по комнате и, подбегая к зеркалу, гримасничала и кривлялась, посылая неизвестно кому воздушные поцелуи.

Мишель, пораженный, стоял за дверью, прикидывая в уме, как ему поступить и что делать и какие,

собственно говоря, выгоды он может снять с этого дела.

Затем, прикрыв плотно дверь, Мишель кинулся к уполномоченному квартирой, чтоб сообщить о несчастье.

ТЕТКУ ОТПРАВЛЯЮТ В ЛЕЧЕБНИЦУ. ЖЕЛТЫЙ ДОМ. ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ. СВИДАНИЕ С ТЕТКОЙ. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА.

Квартира, в которой проживал Мишель, была коммунальная. В ней было десять комнат с тридцатью слишком жильцами. Мишель не имел отношения к этим людям, он даже чуждался их и не заводил знакомств. Тут, между прочим, жил портной Елкин со своей супругой и ребенком, фабричная работница, бухгалтер Госцветмета Р. и почтовый служащий Н. С., который и являлся уполномоченным квартиры.

Было воскресенье, и все жильцы находились дома в своих комнатах.

Стараясь не шуметь и говоря взволнованным шепотом, Мишель предупредил уполномоченного о буйном сумасшествии своей тетки.

Было решено вызвать карету скорой помощи и поскорей сплавить старуху в сумасшедший дом, поскольку это представляло значительную опасность для жильцов.

Мишель ахая бросился в нижнюю квартиру и по телефону вызвал карету скорой помощи, которая и прибыла незамедлительно.

Два человека в белых балахонах в сопровождении Мишеля вошли в комнату старухи.

Тетка Марья, забившись в угол, не подпускала к себе никого, бросаясь вещами и ругаясь как мужчина.

Позади раскрытых дверей теснились жильцы, помогая советами и планами захвата старухи.

Все говорили шопотом и с нескрываемым диким любопытством следили за движениями безумной старухи.

Братья милосердия в своих халатах, как более опытные, одновременно шагнули к больной и, схватив ее за руки, сжали ее в своих объятиях.

Старуха старалась укунить их за руки, но, как это и всегда бывает, бурная энергия сменилась спокойствием и даже безжизненной апатией.

Старуха позволила надеть на себя ватерпруф. Голову ей обвязали платком и, подталкиваемая сзади Мишелем, она была благополучно под руки спущена вниз и посажена в автомобиль, в который уместился и Мишель, со страхом поглядывая на свою обезумевшую родственницу.

Всю дорогу тетка почти не проявляла признаков жизни, и только когда автомобиль приехал на Пряжку и остановился у желтого дома тетка Марья снова проявила буйство и, сопротивляясь, долго не хотела вылезать из автомобиля, снова ругаясь безобразными словами.

Однако ее благополучно вывели и под руки через сад повели в подъезд.

Сторож у ворот, привыкший к таким делам, без любопытства наблюдал за этой сценой и, встав со своей скамейки, молча пальцем указал, куда двигаться.

Старуху провели через темный коридор и сдали в распределитель.

Мишель заполнил анкету и, получив на руки тетрадки драгоценности — ее золотую цепочку с лорнетом, кольца и брошь, вышел взволнованный из приемной комнаты.

Он прошел сад и, очутившись на улице, остановился в нерешительности. Потом долго ходил по улице и со страхом и даже с ужасом поглядывал на желтый дом, прислушиваясь к крикам и воплям, доносившимся из открытых окон.

Он пошел было домой, но, остановившись на деревянном мосту через Пряжку, обернулся назад.

Желтый дом с облезлой, грязной штукатуркой был теперь весь на виду. В окнах за решетками мелькали белые фигуры. Некоторые неподвижно стояли у окон и смотрели на улицу. Другие, ухватившись за решетки, старались сдвинуть их с места.

Внизу на улице, на берегу Пряжки, стояли нормальные люди и с некрываемым любопытством

глядели на сумасшедших, задрав кверху свои головы.

Мишель быстро и не оглядываясь пошел домой, неся в своих руках теткины драгоценности.

Первые дни потрясения прошли, все улеглось, и жизнь, как обычно, пошла дальше.

Не имея службы и не ища ее, Мишель продолжал беспечно существовать и, встречаясь со своей возлюбленной, жил на теткино имущество, которое так неожиданно досталось ему.

В то время был уже нэп во всем своем разгаре. Снова были открыты магазины, театры и кино. Появились извозчики и лихачи. И Мишель со своей дамой окунулся в водоворот жизни.

Они под руку появлялись во всех ресторанах и кабачках. Танцевали фокстрот и утомленные, почти счастливые, возвращались на лихаче домой, с тем, чтобы заснуть крепким сном и утром снова начать веселое, беспечное существование.

Но иной раз, вспоминая про свою тетку и тратя ее имущество, Мишель чувствовал угрызения совести и тогда, всякий раз, давал себе слово навестить больную, для того чтоб снести ей койкаких конфет и гостинцев и тем самым сделать ее участницей в расходах.

Но дни шли за днями, и Мишель откладывал свое посещение.

В эту зиму веселья и танцев Мишель получил извещение из Пскова от своего владельца дома и теперь арендатора, о том, что его жена, потеряв ребенка и выйдя замуж, уехала из квартиры, задолжав ему значительную сумму. Она оставила ему кое-какую мебель, которую арендатор и считает своей, если Мишель не пришлет ему денег в ближайший месяц.

Прочтя это письмо утром, после попойки, Мишель сердито скомкал его и бросил под кровать, с тем чтобы не вспоминать о своей прошлой жизни.

Так проходила зима, и в один из февральских дней, после того как были проданы последние драгоценности, Мишель отправился к тетке на свидание.

Он купил разной снеди и, с тяжелым сердцем и неопределенным страхом, отправился на Пряжку. Тетку привели в приемную комнату и оставили ее вместе с Мишелем.

Буйное сумасшествие сменилось тихой меланхолией, и теперь тетка Марья, в своей белой полотняной кофте, стояла перед Мишелем и, странно и хитро поглядывая на него, не узнавала своего племянника.

Он сказал несколько неопределенных слов и стал делать руками энергичные жесты, понятные сумасшедшим. Потом Мишель молча поклонился и

вышел из помещения, с тем чтобы сюда никогда не возвращаться.

С легким сердцем Мишель вернулся домой и уже со спокойной совестью стал распоряжаться своим наследством.

Изабелла Ефремовна ревностно помогала ему в этом, уговаривая его поменьше церемониться и стесняться в смысле окончательной распродажи всего имущества.

НЕОЖИДАННАЯ БЕДА. УЖАСНЫЙ СКАН-
ДАЛ. НЕРВНАЯ БОЛЕЗНЬ МИШЕ-
ЛЯ. ССОРА С ВОЗЛЮБ-
ЛЕННОЙ. ПА-
ДЕНИЕ.

В апреле тысяча девять-
сот двадцать пятого года стояла исключительно
хорошая и ясная погода.

Мишель в легком своем пальто, под руку с Иза-
беллой Ефремовной, выходил из своей комнаты,
желая пойти погулять по набережной и посмотреть
на ледоход.

И, закрывая дверь на ключ и напевая «Бананы,
бананы», он поглядывал на свою даму.

Она тут же колбасилась в коридоре, делая своими
стройными ножками разные па и танцуя чарльстон.

Она была чудесно хороша в своем светлом весен-
нем костюме, со своим прелестным профилем и
завитушками из-под шляпы.

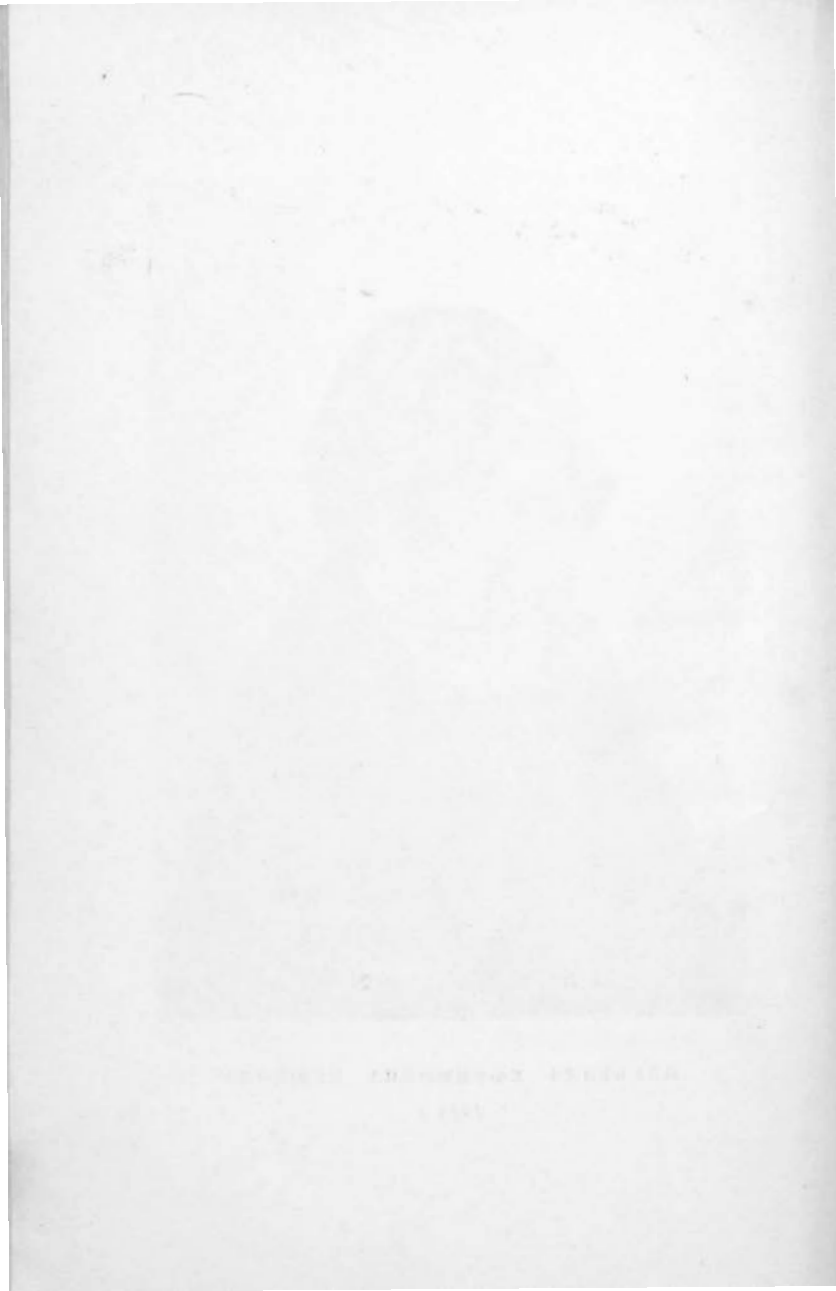
Мишель любовно глядел на нее, восхищаясь ее
красотой, молодостью и беспечностью.

Да, конечно, она не была слишком ученая девица,
способная с легкостью поговорить о Канте, или
Бабеле, или о теории вероятности и относитель-
ности. Безусловно, она этого ничего не знала и
не имела склонности к умозрительным наукам,
предпочитая им легкую, простую жизнь. Мор-
щины раздумья не бороздили ее лба.

ИЗАБЕЛЛА ЕФРЕМОВНА КРЮКОВА

1924 г.

Мишель любил ее со всей страстью и, мысленно сравнивая ее со своей бывшей Симочкой, приходил в ужас — как он мог так низко пасть, женившись на такой провинциальной курочке.

Итак, танцуя чарльстон и дурачась, и взявшись за руки, они пошли по коридору и, выйдя в прихожую, остановились, чтоб пропустить вошедшую пару.

Это был рассыльный с книжкой и рядом с ним старая женщина, завернутая в зимний ватерпруф с головой, повязанной шерстяным платком.

Это была не кто иная, как тетка Марья.

Грубым, шутливым тоном рассыльный спросил, здесь ли проживала выздоровевшая гражданка А., и если здесь, то вот, не угодно ли принять кого следует.

Все помутилось в глазах Мишеля. Ноги приросли к полу, и страх отнял у него дар речи.

Кое-как поставив небольшую каракулю в рассыльной книге, Мишель перевел глаза на тетку, которая, сконфуженно улыбаясь, ручкой приветствовала своего племянника.

Мишель начал лепетать непонятные слова и, пятась к двери, старался заслонить проход, не желая тем самым пропустить тетку дальше.

Тетка Марья шагнула к нему и начала довольно понятно изъясняться, говоря, что она сильно прихворнула, но теперь почти что оправилась и

в дальнейшем нуждается только в полной тишине и спокойствии.

Понимая всю серьезность дела и не желая мешать объяснению родственников, Изабелла Ефремовна, сказав, что она зайдет завтра, как птичка выпорхнула на лестницу и исчезла.

А тетка Марья в сопровождении Мишеля пошла по коридору, направляясь к своей двери.

Мишель, взяв тетку под руку и стараясь не допустить ее в комнату, в которой оставалась лишь какая-то жалкая дребедень, тянул ее к себе, говоря, что, ну вот и отлично, и прекрасно, вот сейчас они присядут у Мишеля на диване и попьют чайку.

Однако тетка, не пожелав чаю, настойчиво шла к своей комнате, твердо сохранив в своем непрочном уме расположение комнат.

Она вошла в комнату и остановилась, пораженная и полная гнева.

Автор, щадя нервы читателей, не считает возможным продолжать свое описание скандала и драматических сцен, происшедших в первые полчаса. Оголенная комната зияла своей пустотой. В углу стоял нетронутый мраморный умывальник и несколько стульев, не проданных в силу значительной изношенности.

По прошествии получаса тетка набросилась на Мишеля, снова по-мужски ругаясь и выкрикивая

такие слова, от которых шарахались в сторону выдавшие виды жильцы.

Первый подъем сменился тихими слезами, чем воспользовался Мишель. Он проскользнул в свою комнату и, обессиленный, рухнул на кровать.

К вечеру стало известно, что тетка вновь свихнулась в своем уме и вновь делает по своей комнате какие-то прыжки и движения.

Еле волоча ноги, Мишель убедился в этом и, сделав соответствующие распоряжения, вернулся к себе.

К ночи тетку Марью вновь отвезли в психиатрическую лечебницу.

Жильцы судачили о всяких превратностях судьбы и говорили о необходимости показательного суда над Мишелем, который обратно свел тетку с ума, решив воспользоваться ее последними креслами.

Однако Мишель на другой день слег в постель в нервной горячке и этим прекратил пересуды.

Три недели он пролежал, думая, что пришел ему конец и расплата, но молодость и цветущее здоровье сохранили ему жизнь.

Изабелла Ефремовна изредка посещала его. Ее веселость сменилась натянутостью, и она еле разговаривала с больным, пикируясь и капризничая. Болезнь значительно изменила Мишеля. Вся его беспечность ушла, и он снова был таким же, как

в Пскове, — меланхоличным и созерцательным субъектом.

Вновь приходилось подумать о существовании и о куске насущного хлеба.

М. П. Снягинин принялся хлопотать и несколько раз ходил на биржу труда, регистрируясь и отмечаясь.

Не умея ничего делать и не зная никакой специальности, он имел, конечно, мало шансов получить приличную работу.

Правда, ему сразу предложили поехать на торфяные разработки, говоря, что, не имея специальности, он вряд ли получит сейчас что-либо другое. Это предложение страшно поразило Мишеля и даже напугало. Как, он должен поехать куда-то там такое за шестьдесят верст и там копать лопатой разную дрянь и глину. Это никак не укладывалось в его голове, и он, сердито обругав барышню свиньей, ушел домой.

Он стал продавать свои вещи, приобретенные за время своего благополучия, и полгода жил довольно прилично, не имея сильной нужды.

Но так, конечно, не могло вечно продолжаться, и надо было подумать о чем-то существенном.

И, понимая, что он катится под гору, Мишель старался все же не думать об этом и, сколько возможно, оттягивать решительный момент.

К этому времени он поругался с Изабеллой Ефре-

мовной, которая все иногда заходила к нему и хмурия носик, спрашивала, что он намерен делать. Он поссорился с ней, назвав ее гадinou и корыстной канальей, и этот разрыв несколько даже облегчил его существование.

Изабелла Ефремовна охотно пошла на ссору и, хлопнув дверью, упорхнула, предварительно, конечно, поскандалив и поругавшись на разные темы.

Мишель понимал свое критическое положение, и ему временами казалось, что всюду жизнь, и, может, действительно стоит ему поехать на разработки. Однако, поругавшись на бирже и порвав свой листок, Мишель уже не имел мужества пойти туда вновь.

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА. НОВАЯ РАБОТА. МРАЧ-
НЫЕ МЫСЛИ. НИЩЕТА. ДУШЕВНОЕ СПО-
КОЙСТВИЕ. БЛАГОДЕТЕЛЬНАЯ
ПРИРОДА. ПОМОЩЬ АВТО-
РА. КРАЖА ПАЛЬТО С
ОБЕЗЬЯНКОВЫМ
ВОРОТНИ-
КОМ.

Оставив себе серый пид-
жачок и осеннее пальто, Мишель без жалости рас-
стался почти со всем своим имуществом.

Но оставленные вещи чрезвычайно быстро при-
ходили в ветхость, и это обстоятельство только
усиливало падение.

Понимая, что ему не выбраться из создавше-
гося положения, Мишель вдруг успокоился и
поплыл по течению, мало заботясь о том, что
будет.

Однажды, встретив одного знакомого нэпмана и
владельца маленькой фабрички минеральных и
фруктовых вод, Мишель шутливо попросил ка-
ким-нибудь образом помочь ему.

Тот обещал устроить его на свою фабрику, однако
предупредил, что работа будет не слишком подхо-
дящая для поэта и вряд ли Мишель на нее согла-
сится. Надо было мыть бутылки, которые во мно-
жестве с разных сторон и даже из помоек посту-
пали на фабрику, где их и приводили в христиан-

ский вид, полоща и моя с песком и еще с какой-то дрянью.

Мишель взял эту работу и несколько месяцев ходил в Апраксин рынок на производство, пока не прогорел зарвавшийся нэпман.

Спокойствие и ровное душевное состояние не покидали Мишеля. Он как бы потерял старое представление о себе. И, приходя домой, ложился спать, не думая ни о чем и ни о чем не вспоминая. Когда нэпман прогорел и заработок был потерян, Мишель и тут не почувствовал большой беды.

Правда, временами — очень редко — находило на него раздумье, и тогда Мишель как волк бегал по своей комнате, кусая и грызя свои ногти, к чему он получил привычку за последний год.

Но это, собственно, были последние волнения, после чего жизнь потекла попрежнему ровно, легко и бездумно.

Уже все жильцы в квартире видели и знали, как обстоят дела Мишеля, и сторонились его, побаиваясь, как бы он не сел им на шею.

И незаметно для себя Мишель из владельца комнаты стал угловым жильцом, поскольку в его комнату вселился один безработный, который по временам ходил торговать семечками.

Так прошел почти год, и жизнь увлекала Мишеля все глубже и глубже.

Уже портной Егор Елкин, заходя в комнату Мишеля, пьяным голосом иной раз просил его при-смотреть за своим младенцем, так как надо было портному отлучиться, а супруга нивесть где бродит по случаю своей красоты и молодости.

И Мишель заходил в комнату к портному и без интереса глядел, как полуголый ребенок скользит по полу, шая, забавляясь и поедая тараканов.

Дни шли за днями, и Мишель ничего не предпри-нимал.

Он стал иногда просить милостыню. И, выходя на улицу, иной раз останавливался на углу Невского и Фонтанки и стоял там, спокойно поджидая по-даяния.

И, глядя на его лицо и на бывший приличный костюм, прохожие довольно охотно подавали ему гривенники и даже двугривенные.

При этом Мишель низко кланялся, и приветливая улыбка растягивала его лицо. И, низко кланаясь, он следил глазами за монетой, стараясь поскорей угадать ее достоинство.

Он не замечал в себе перемены, его душа была попрежнему спокойна, и никакого горя он более не ощущал в себе.

Автору кажется, что это форменная брехня и вздор, когда многие и даже знаменитые писатели описывают разные трогательные мучения и переживания отдельных граждан, попавших в беду.

или, скажем, не жалея никаких красок, сильными мазками описывают душевное состояние уличной женщины, накручивая на нее чорт знает чего, и сами удивляются тому, чего у них получается.

Автор думает, что ничего этого по большей части не бывает.

Жизнь устроена гораздо, как бы сказать, проще, лучше и пригодней. И беллетристам от нее совершенно мало проку.

Нищий перестает беспокоиться, как только он становится нищим. Миллионер, привыкнув к своим миллионам, также не думает о том, что он миллионер. И крыса, по мнению автора, не слишком страдает от того, что она крыса.

Ну, насчет миллионера автор, возможно, что и прихватил лишнее. Насчет миллионера автор не утверждает, тем более что жизнь миллионеров проходит для автора как в тумане.

Но это дела не меняет, и величественная картина нашей жизни остается в силе.

Вот тут-то и приходит на ум то обстоятельство, о котором автор уже имел удовольствие сообщить в своем предисловии. Человек очень даже великолепно устроен и охотно живет такой жизнью, какой живется. Ну, а которые не согласны, те, безусловно, идут на борьбу, и ихнее мужество и смелость всегда вызывали у автора изумление и чувство неподдельного восторга.

Конечно, автор не хочет сказать, что человек — и в данном случае М. П. Синягин — стал деревянным и перестал иметь чувства, желания, любовь хорошо покушать и так далее.

Нет, это все у него было, но это было уже в другом виде и, так сказать, в другом масштабе, вровень с его возможностями.

Чувства автора перед величием природы не поддаются описанию!

Автор должен еще сказать, что он сам находился в те годы в сильной нужде, и помощь с его стороны родственнику была незначительная. Однако автор много раз давал ему сколько было возможно.

Но однажды, в отсутствие автора, Мишель снял с вешалки чужое пальто с обезьянковым воротником и загнал его буквально за гроши. После чего он вовсе перестал ходить и даже перестал раскланиваться с автором.

Конечно, автор понимал его грустноватое положение и даже одним словом не заикнулся о краже, но Мишель, чувствуя свою вину, попросту отворачивался от автора и не хотел вступать с ним ни в какие разговоры.

Об этом автору приходится говорить с чрезвычайно, так сказать, стесненным чувством и даже с сознанием какой-то своей вины, в то время как никакой вины в сущности не было.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА. ВЫРУЧКА ЗА
ДЕНЬ. НОЧЛЕЖНЫЙ ДОМ. СОРОК ЛЕТ.
НЕОЖИДАННЫЕ МЫСЛИ.
НОВОЕ РЕШЕ-
НИЕ.

Автор считает нужным предупредить читателя о том, что наше повествование окончится благополучно и в конце концов счастье вновь коснется крыльями нашего друга Мишеля Синягина.

Но пока что нам придется еще немного коснуться кое-каких неприятных переживаний.

Так проходили месяцы и годы. Мишель Синягин побирался и почти всякий день отправлялся на эту свою работу либо к Гостиному Двору, либо к Пассажу.

Он становился к стенке и стоял, прямой и неподвижный, не протягивая руки, но кланяясь по мере того, как проходили подходящие для него люди. Он собирал около трех рублей за день, а иногда и больше, и вел сносную и даже сытную жизнь, кушая иной раз колбасу, студень и другие товары. Однако он задолжал за квартиру, не платя за нее почти два года, и этот долг висел теперь над ним как Дамоклов меч.

Уже к нему в комнату заходили люди и откровенно спрашивали об его отъезде.

Мишель говорил какие-то неопределенные вещи и давал какие-то неясные обещания и сроки.

Но однажды вечером, не желая новых объяснений и новых натисков, он не вернулся домой, а пошел ночевать в ночлежку, или, как еще иначе говорят, на гопу, на Литейный проспект.

В ту пору на Литейном, недалеко от Кировной, был ночлежный дом, где за двадцать пять копеек давали отдельную койку, кружку чаю и мыло для умывания. Мишель несколько раз оставался здесь ночевать и в конце концов вовсе сюда перебрался со своим небольшим скарбом.

И тогда началась совсем размеренная и спокойная жизнь, без ожидания каких-то чудес и возможностей.

Конечно, собирать деньги не было занятием слишком легким. Надо было стоять на улице и в любую погоду поминутно снимать шапку, застуживая этим свою голову и простужаясь.

Но другого ничего пока не было, и другого выхода Мишель не искал.

Ночлежка с ее грубоватыми обитателями и резкими нравами однако значительно изменила скромный характер Мишеля.

Здесь тихий характер и робость не представляли никакой ценности и были даже, как бы сказать, ни к чему.

Грубые и крикливые голоса, ругань, кражи и мордобой выживали тихих людей или заставляли их соответственным образом менять свое поведение.

И Мишель стал говорить грубоватые фразы своим сильным голосом и, защищаясь от ругани и насмешек, нападал в свою очередь сам, безобразно ругаясь и даже участвуя в драках.

Утром Мишель убирал свою койку, пил чай и, часто не мывшись, торопливо шел на работу, иногда беря с собой замызганный парусиновый портфель, который, как бы сказать, придавал ему особенно четкий интеллигентный вид и указывал на его происхождение и возможности.

Дурная привычка последних лет — грызть свои ногти — стала совершенно неотвязчивой, и Мишель обкусывал свои ногти до крови, не замечая этого и не стараясь от этого отвыкнуть.

Так прошел еще год, итого почти девять лет со дня приезда в Ленинград. Мишелю было 42 года, но длинные и седоватые волосы придавали ему еще более старый и опустившийся вид. В мае тысяча девятьсот двадцать девятого года, сидя на скамейке Летнего сада и греясь на весеннем солнце, Мишель незаметно и неожиданно для себя, с каким-то даже страхом и торопливостью, стал думать о своей прошлой жизни: о Пскове, о жене Симочке и о тех прошлых днях, которые казались ему теперь удивительными и даже сказочными.

Он стал думать об этом в первый раз за несколько лет. И, думая об этом, почувствовал тот старый первный озноб и волнение, которое давно оставило его и которое бывало, когда он сочинял стихи или думал о возвышенных предметах.

И та жизнь, которая ему казалась унижительной для его достоинства, теперь сияла своей небесной чистотой. Та жизнь, от которой он ушел, казалась ему теперь наилучшей жизнью за все время его существования.

Страшно взволнованный, Мишель стал мотаться по саду, махая руками и бегая по дорожкам.

И вдруг ясная и понятная мысль заставила его задрожать всем телом.

Да, вот сейчас и сию минуту он поедет в Псков, там встретит свою бывшую жену, свою любящую Симочку, с ее миленькими веснушками. Он встретит свою жену и проведет с ней остаток своей жизни в полном согласии, любви и нежной дружбе.

И, думая об этом, он вдруг заплакал от всевозможных чувств и восторга, охватившего его.

И, вспоминая те жалкие и счастливые слова, которые она ему говорила девять лет назад, Мишель поражался теперь, как он мог ею пренебречь и как он мог учинить такое явное суккинсыство — бросить такую исключительную и достойную даму.

Он вспоминал теперь каждое слово, сказанное ею. Да, это она ему сказала, и она молила судьбу, чтоб он был больной, старый и хромой, предполагая, что тогда он вернется к ней.

И, еще более взволновавшись от этих мыслей, Мишель побежал сам не зная куда.

Быстрая ходьба несколько утихомирила его волнение, и тогда, торопясь и не желая терять ни одной минуты, Мишель отправился на вокзал и там начал расспрашивать, когда и с какой платформы отправляется поезд.

Но, вспомнив, что у него было не больше одного рубля денег, Мишель снова задрожал и стал спрашивать о цене билета.

Проезд до Пскова стоил дороже, и Мишель, взяв билет до Луги, решил оттуда как-нибудь добраться до своего сказочного города.

Он приехал в Лугу ночью и крепко заснул на сложенных возле полотна шпалах.

А чуть свет, дрожа всем телом от утренней прохлады и волнения, Мишель вскочил на ноги и, покусав хлеба, пошел в сторону Пскова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. РОДНЫЕ МЕСТА. СВИДАНИЕ
С ЖЕНОЙ. ОБЕД. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.
СЛУЖБА, НОВЫЕ МЧТЫ.
НЕОЖИДАННАЯ БО-
ЛЕЗНЬ.

Мишель пошел по тропинке вдоль полотна железной дороги, шагая сначала в какой-то нерешительности и неуверенности. Потом он прибавил шагу и несколько часов под ряд шел, не останавливаясь и ни о чем не думая.

Вчерашнее его волнение и радость сменились тупым безразличием и даже апатией. И он шел теперь, двигаясь по инерции, не имея на это ни воли ни особой охоты.

Было прелестное майское утро. Птички чирикали, с шумом вылетая из кустов, около которых проходил Мишель.

Солнце все больше и больше пекло ему плечи и ноги, обутые в галоши, стерлись и устали от непривычной ходьбы.

В полдень Мишель, утомившись, присел на край канавы и, обняв свои колени, долго сидел не двигаясь и не меняя позы.

Белые неподвижные облака на горизонте, молодые листочки деревьев, первые желтые цветы одуванчика напомнили Мишелю его лучшие дни и

снова заставили его на минуту взволноваться о тех возможностях, которым он шел навстречу.

Мишель растянулся на траве и, глядя в синеву неба, снова почувствовал какую-то радость успокоения.

Но эта радость была умеренная. Это не была та радость и тот восторг, которые охватывали Мишеля в дни его молодости.

Нет, он был другим человеком, с другим сердцем и с другими мыслями.

Неизвестно, правда ли это, но автору одна девушка, окончившая в прошлом году стенографические курсы, рассказала, что будто в Африке есть какие-то животные, вроде ящериц, которые при нападении более крупного существа выбрасывают часть своих внутренностей и убегают, с тем чтобы в безопасном месте свалиться в бессознательном состоянии и лежать на солнце, пока не нарастут новые органы. А нападающий зверек прекращает погоню, довольствуясь тем, что ему дали.

Если это так, то восхищение автора перед явлением природы наполняет его новым трепетом и жаждой жить.

Мишель не был похож на такую ящерицу: он сам нападал и сам хватал своих врагов за загривок, но в схватке он, видимо, тоже растерял часть своего добра и сейчас лежал пустой и почти без-

различный, не зная, собственно, зачем он пошел и хорошо ли это он сделал.

Через два дня, отдыхая почти каждый час и ночуя в кустах, Мишель пришел в Псков, вид которого заставил забиться его сердце.

Мишель прошел по знакомым улицам и вдруг очутился у своего дома, с тоской заглядывая в его окна и до боли сжимая свои руки.

И, открыв плечом калитку ворот, он вошел в сад, и тот небольшой, тенистый сад, в котором когда-то писались стихи и в котором когда-то сидели тетка Марья, мамаша и Симочка.

Все было так же, как и девят лет назад, только дорожки сада были запущены и заросли травой.

Те же две высокие ели росли у заднего крыльца, и та же собачья будка без собаки стояла возле сарайчика.

Несколько минут стоял Мишель неподвижно как изваяние, созерцая эти старые и милые вещи. Но вдруг чей-то голос вернул его к действительности. Старая, завернутая в белую косынку, старуха, беспокойно глядя на него, спросила, зачем он сюда пришел и что ему нужно.

Путаясь в словах и со страхом называя фамилии, Мишель стал расспрашивать о бывших жильцах, об арендаторе дома и о Серафиме Павловне, его бывшей жене.

Старуха, приехавшая сюда недавно, не могла удовлетворить его любопытство, однако указала адрес, где теперь проживала Симочка.

Через полчаса Мишель, унимая сердцебиение, стоял у дома на Басманной улице.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и шагнул на порог кухни.

Молодая женщина в переднике стояла у плиты, держа в одной руке тарелку, другой рукой, вооруженной вилкой, она доставала вареное мясо из кипящей кастрюльки.

Женщина сердито посмотрела и, нахмурившись, приготовилась закричать на вошедшего, но вдруг слова замерли на ее губах.

Это была Серафима Павловна, это была Симочка, сильно изменившаяся и постаревшая.

Ах, она очень похудела. Когда-то полненький ее стан и круглое личико были неузнаваемые и чужие.

У нее было желтоватое, увядшее лицо и короткие, обстриженные волосы.

— Серафима Павловна, — тихо сказал Мишель и шагнул к ней.

Она страшно закричала, металлическая тарелка выпала из ее рук и со звоном и грохотом покатилась по полу. И вареное мясо упало в кастрюлю, разбрызгивая кипящий суп.

— Боже мой, — сказала она, не зная что сделать и что сказать.

Она подняла тарелку и, пробормотав: «сейчас», скрылась за дверью.

Через минуту она снова вернулась в кухню и, робко протянув руку, попросила Мишеля сесть. Не смея к ней подойти и страшась своего вида, Мишель сел на табурет и сказал, что вот он, наконец, пришел и что вот у него какое печальное положение.

Он говорил тихим голосом и, разводя руками, вздыхал и конфузился.

— Боже мой, боже мой, — бормотала молодая женщина, с тоской ломая свои руки.

Она смотрела на его одутловатое лицо и на грязное тряпье его костюма и беззвучно плакала, не соображая, что делать.

Но вдруг из комнаты вышел муж Серафимы Павловны и, видимо уже зная в чем дело, молча пожал Мишелю руку и, отойдя в сторону, присел на другую табуретку возле окна.

Это был гр. Н., заведывающий кооперативом, немолодой уже — и скорей пожилой — человек, толстоватый и бледный.

Сразу поняв в чем дело и сразу оценив положение и своего неожиданного соперника, он стал говорить веским и вразумительным тоном, со-

ветуя Серафиме Павловне позаботиться о Мишеле и принять в нем участие.

Он предложил Мишелю временно поселиться у них в доме, в верхней летней комнатке, поскольку уже в достаточной мере тепло.

Они обедали втроем за столом и, кушая вареное мясо с хреном, изредка перекидывались словами относительно дальнейших шагов.

Муж Серафимы Павловны сказал, что службу сейчас найти крайне легко и что безработных сейчас все меньше и меньше на бирже труда, так что в этом он не видит никакого затруднения. И это обстоятельство позволит, вероятно, Мишелю даже выбирать себе службу из нескольких предложений. Во всяком случае, об этом тревожиться не надо. Временно он будет проживать у них, а там, в дальнейшем, будет видно.

Мишель, не смея поднять глаз на Симочку, благодарил и жадно пожирал мясо и хлеб, запихивая в рот большие куски.

Симочка также не смела на него смотреть и только изредка бросала взгляды, по временам бормоча: «боже мой, боже мой».

Мишелю устроили верхнюю комнату, поставив туда парусиновую кушетку и небольшой туалетный стол.

Мишель получил кое-какое белье и старый люстриновый пиджак и, умывшись и побрив свои

щеки, с какой-то радостью облачился во все свежее и с радостью долго разглядывая себя в зеркало, поминутно благодаря своего благодетеля.

Сильные тревожения и ходьба страшно его утомили, и он, как камень, заснул у себя наверху.

Ночью, часов в одиннадцать, ничего не понимая и не соображая, где он находится, Мишель проснулся и вскочил со своего ложа.

Потом, вспомнив о случившемся, он присел у окна и стал вспоминать о всех словах, сказанных за день.

И, просидев около часу, он вдруг почувствовал голод.

Вспоминая сытный, питательный обед, который он жадно и без разбора проглотил, Мишель тихой и вороватой походкой спустился вниз, в кухню, с тем, чтобы пошарить там и снова подкрепить свои силы.

Он осторожно по скрипучим половицам вошел в кухню и, не зажигая света, стал шарить рукой по плите, отыскивая какую-нибудь еду.

Серафима Павловна вышла на кухню дрожа всем телом и, думая, что Мишель пришел с ней поговорить, объяснить и сказать то, чего не было сказано, подошла к нему, взяла его за руку и начала что-то лепетать взволнованным шопотом.

Сначала страшно испугавшись, Мишель появился в чем дело и, держа в руке кусок хлеба, безмолвно слушал слова своей бывшей возлюбленной.

Она говорила ему, что все изменилось и все прошло, что, вспоминая о нем, она, правда, продолжала его любить, но что сейчас ей кажутся неспущными и лишними какие-либо новые шаги и перемены. Она нашла свою тихую пристань и больше ничего не ищет.

Мишель, по простоте душевной, тотчас ответил, что этих перемен он и не ожидает, но что он будет рад и счастлив, если она позволит ему временно проживать в ихнем доме.

И, жуя хлеб, Мишель благодарно пожимал ее ручки, прося не очень за него беспокоиться и не очень волноваться.

Через несколько дней, отъездившись и приведя себя в порядок, Мишель получил работу в управлении кооперативов.

Угасавшая жизнь снова вернулась к Мишелю, и сидя за обедом он делился своими впечатлениями за день и строил разные планы о будущих возможностях, говоря, что теперь он начал новую жизнь и что теперь он понял все свои ошибки и все свои наивные фантазии и что он хочет работать, бороться и делать новую жизнь.

Серафима Павловна с мужем дружески беседовали с ним, сердечно радуясь его успехам и возрождению.

Так проходили дни и месяцы, и ничто не омрачало жизнь Мишеля.

Но в феврале тысяча девятьсот тридцатого года Мишель, неожиданно заболев гриппом, который осложнился воспалением легких, умер почти на руках у своих друзей и благодетелей.

Симочка страшно плакала и долго не находила себе места, проклиная себя за то, что она не сказала Мишелю всего, что хотела и что думала.

Мишель был похоронен на б. монастырском кладбище. Могила его и посейчас убирается живыми цветами.

7-50
9701/887
A
AK 1

65 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: ГОСИЗДАТ РСФСР. ТИР. №139